

DOI 10.15393/j9.art.2017.4582

УДК 821.161.1.09“18”

Антонелла КаватцаУрбинский университет им. Карло Бо
(Урбино, Италия)

antonella.cavazza@uniurb.it

ЛОЖЬ И ПРАВДА В СВЕТЕ ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТИНЫ (роман Ф. М. Достоевского «Бесы»)

Аннотация. Понятие *ложь* соотносится в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» с понятиями *правда / истина*, что указывает на скрытую связь романа с евангельскими текстами, в отрыве от которых невозможно воспринять глубинный смысл этого произведения. В романе слово «истина» часто используется в контексте с понятиями «вера» и «народ». Эти понятия входят в концепт почвы, лежащий в основе теории почвенничества, и связаны с идеей мессианства России. Основанные на ложных понятиях поступки и слова «бесов» (Ставрогина, Петра Верховенского и других членов революционной ячейки) пересекаются и взаимодействуют с поступками и словами Шатова, «нового человека», принявшего Истину Христа. Достоевский постоянно ставит перед читателем вопросы: где правда и в чем она? что есть истина? Ложь и правда как таковые в романе не противопоставлены, но служат проявлению евангельской Истины.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, евангельский текст, истина, правда, ложь, «Бесы», почвенничество, Иисус Христос, Житие св. Антония

Роман «Бесы», впервые опубликованный в журнале «Русский Вестник» в 1871 и 1872 гг., Ф. М. Достоевский предварил евангельской цитатой, сразу вводящей читателя в круг тем, связанных с божественным и демоническим началами. Центральной фигурой в романе стал Николай Ставрогин, обладавший демоническими и красотой, и способностью воздействовать на людей. «Кирилов и Шатов в романе сгорают в огне пожара, зажженного в их душах Ставрогиным, — писал прот. Сергей Булгаков в статье “Русская трагедия”. — Поэтому он и становится духовным провокатором, он зажигает других тем, чем сам не горит и заведомо неспособен загореться, — льдистое отражение чужого огня и света»¹.

Ставрогин, как и другие члены подпольной революционной ячейки, умственно развращен, ведет порочную жизнь, совершает убийство. Достоевский, не колеблясь, представляет его плененным злой силой — в том смысле, как об этом сказано в Новом Завете, где дьявол объявляется не только лжецом, но и человекоубийцей: «Онъ былъ чловѣкоубійца отъ начала и не устоялъ въ истинѣ; ибо истины нѣтъ въ немъ: когда онъ говоритъ ложь, тогда говоритъ свое; ибо онъ лжець, и отецъ лжи» (Ин. 8:44)². Хотя этот стих не приводится в тексте романа дословно, нетрудно понять, что он является подтекстом, ключом, необходимым для понимания этого произведения³. На правомерность этого предположения указывает эпиграф романа, в котором приводится эпизод изгнания бесов из Евангелия от Луки (8:32–37). В этой связи примечательным является тот факт, что данная евангельская цитата, наряду с приведенной выше (Ин. 8:44) фигурирует и в Житии святого Антония⁴, из которого, вполне возможно, Достоевский черпал вдохновение, изображая силы зла в «Бесах» (см. об этом: [15]). В увещании, обращенном к тем, кто совершает аскетические подвиги и хранит христианские добродетели, основатель пустынножительства и монашества призывает в любом случае не бояться бесов и сражаться с ними, веря в Бога и праведную жизнь:

Ибо сильное на нихъ орудіе — правая жизнь и вѣра въ Бога. Боятся они подвижническаго поста, бдѣнія, молитвъ, кротости, безмолвія, несребролюбія, нетщеславія, смиренномудрія, нищелюбія, милостынь, безгнѣвія, преимущественно же благочестивой вѣры во Христа⁵.

Остановливаясь, в частности, на природе дьявола, описывая его злодеяния, святитель Афанасий Александрийский включает в свое повествование речение, почти буквально совпадающее со стихом из Евангелия от Иоанна: «...и всѣ демоны, а первый изъ нихъ діаволь, носятся по всему воздуху; притомъ, они зложелательны, готовы вредить, и, какъ сказалъ Спаситель, отецъ злобы діаволь есть чловѣкоубійца искони (Іоан. 8:44)»⁶. В связи с этим св. Антоний неоднократно предлагает не обращать внимания на то, что говорит дьявол: «...потому что діаволь лжетъ, и вовсе не говоритъ ничего истиннаго»⁷.

Вынужденный разговаривать с дьяволом, он произносит: «...всегда ты лжешь; и никогда не говоришь правды; однако же теперь, и противъ воли, сказалъ ты справедливо. Ибо Христось, пришедши, содѣлалъ тебя немощнымъ, и нисложивъ, лишилъ тебя всего. — Услышавъ имя Спасителя и не терпя палящей силы онаго, діаволь сталъ невидимъ»⁸. Опираясь на Новый Завет и святоотеческую литературу и предположение о том, что Житие св. Антония было одним из вдохновляющих писателя источников для представления сил зла в «Бесах», в настоящем исследовании мы рассматриваем понятие *ложь* и выявляем его конкретные значения в романе Достоевского.

В издании «Бесов» 1873 года абстрактное существительное «ложь» употребляется в общей сложности 16 раз⁹. Только в двух случаях оно используется в функции подлежащего, в четырех случаях представляет именную часть составного именного сказуемого, в то время как в остальных десяти случаях оно выступает прямым или косвенным дополнением. Не удивительно, что такой мастер предъявления дидактики через художественный образ, как Достоевский, не говорит о лжи как об абстракции. Автор изображает также последствия ложного высказывания и действия персонажей, употребляя не только глагол «лгать», но и его синонимы (*соврать / наврать, обманывать, дурачить, налгать*), представляющие вариации этого способа понимания действительности. В Словаре идиолекта Достоевского «ложь» трактуется как «намеренное или невольное искажение истины; выдумка, вымысел, обман»¹⁰. Анализ появления лексемы «ложь» в романе «Бесы» в основном подтверждает это толкование.

Следует отметить, что в контексте романа значение слова «ложь» концептуально уточняется путем частого сопоставления или сравнения с антонимичным ему словом «правда», в частности, в некоторых высказываниях нравоучительного характера, например:

Чтобы сдѣлать правду правдоподобнѣе, нужно непременно подмѣшать къ ней лжи¹¹.

Правда честнѣе лжи (299).

В романе «Бесы» существительное «правда» встречается 45 раз. Из этого подсчета исключены реальные вопросы: *это правда?*; риторические вопросы: *не правда ли?*; утверждения: *это правда*; обстоятельство *по правде* и наречие *вправду*, которые встречаются очень часто, особенно в диалогах¹². *Правда*, в отличие от *лжи* в смысле *неправды*, в ранее приведенных пассажах имеет универсальный характер, то есть не подразумевает религиозного смысла. Этот смысл явно присутствует в некоторых высказываниях Шатова, представленного в романе в качестве «нового человека». После того как Шатов уверовал в социалистические идеи и долго скитался по Старому и Новому Свету, он осознал, благодаря Ставрогину, ценность своих корней и благодаря этому обрел христианскую православную веру¹³. Таким образом, становится ясно, почему в главе «Ночь» (часть I, глава I) Шатов бросил упрек главному герою романа, что он потерял веру в Христа. Значимым является тот факт, что именно за «падение» Ставрогина, за то, что тот отказался от *истины* и принял *ложь*, Шатов публично дал ему пощечину, сопровождая ее следующими словами:

— Я за ваше падение... за ложь. Я не для того подходил чтобы вась наказать; когда я подходил, я не зналъ что ударю... Я за то что вы такъ много значили в моей жизни... Я... (231).

Ставрогин — ключевая фигура в жизни Шатова. Обращение последнего к вере связано со ставрогинским ее исповеданием. Услышанное изменило течение жизни Шатова кардинально, о чем говорят следующие обращенные к Николаю Всеволодовичу риторические вопросы:

— <...> Но не вы ли говорили мнѣ, если бы математически доказали вамъ, что истина внѣ Христа, то вы бы согласились что лучше остаться со Христомъ нежели съ истиной? Говорили вы это? Говорили? (240).

Вопросы Шатова включают в себя слова Достоевского из письма 1854 года к Наталье Фонвизиной:

Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной¹⁴.

Таким образом, понятие *истина*¹⁵ в романе требует, помимо концептуального, лингвистического исследования.

Истина, которая подразумевается в парадоксе Шатова, на самом деле является *объективной истиной*¹⁶, по отношению к которой *правда* может быть определена, согласно Н. Д. Арутюновой, как «отраженная Истина, истина в зеркале жизни, преломившаяся в бесчисленных его гранях» [1, 26]. Как выясняется из предварительных набросков к «Бесам», для Достоевского *объективная истина* совпадает с *истиной*, засвидетельствованной Иисусом в Евангелии от Иоанна: «Я есмь путь, и истина, и жизнь; никто не приходит к Отцу, какъ только чрезъ Меня» (Ин. 14:6)¹⁷. Последняя цитата, как и предыдущая (Ин. 8:44), не прочитывается в романе явно, хотя она, несомненно, вдохновила Достоевского при формулировке своего исповедания веры, которое перекликается в романе со словами Шатова. Далеко немаловажным является также тот факт, что в экземпляре Нового Завета, принадлежавшем писателю, часть стиха шестого и весь седьмой стих главы четырнадцатой от Иоанна были выделены двойным отчеркиванием карандашом на полях с пометой «NB»; кроме того, слова: «...никто не приходит к Отцу, какъ только чрезъ Меня. Если бы вы знали Меня; то знали бы и Отца Моего» — подчеркнуты.

Без сомнения, христианская вера Ставрогина была той *идеей*¹⁸, которая могла бы задать смысл и положительное направление его существованию. Это следует из подготовительных материалов к «Бесам», где отмечено Достоевским, что недостаток воли воспрепятствовал Князю упорствовать в *главной идее*, обретенной им ранее, а именно: православие «как главное основание новой цивилизации с востока» [9, 195]. Ставрогин убедил Шатова, что это катехизис «новой веры», который должен быть принят всяким «новым человеком». Заповедь веры главного героя завершается его отречением от своих слов: «И Князь сознается, что он барин, уверяет, что солгал, и отрекается от слов своих» [9, 195].

Потеряв веру, Ставрогин становится не только атеистом, но и теряет силы противостоять злу. В исповедании веры Шатова эпистемологическая истина совпадает с истиной религиозной, христианско-православной, а также с моралью, производной от нее. Не случайно, что вскоре после этого Шатов допрашивает Ставрогина о его развратном поведении:

— <...> Правда ли будто вы увѣряли что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою штучкой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизнию для челоуѣчества? Правда ли что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія? (244)¹⁹.

Отсюда следует не только то, что для автора «Бесов» составляют единое православная вера и христианская этика, но, можно сказать, что в этом романе существует неразрывная связь между этикой, религиозностью и эстетикой²⁰. Таким образом, ценности христианской морали представляют собой глубинную основу для оценки всех событий романа. Так, атеист Ставрогин в итоге вынужден искать подтверждение христианской истине, высказанной Шатовым. Он отправился в Спасо-Ефимиевский монастырь для беседы с архиереем Тихоном, перед которым молодой провинциальный отпрыск письменно исповедуется в своих грехах. Но потом, из-за своей безмерной гордости, отказывается от церковного прощения. Этим отказом он также утверждает свою собственную правду:

— Слушайте меня: я хочу простить сам себѣ, и вотъ моя главная цѣль, вся моя цѣль! сказалъ вдругъ Ставрогинъ съ мрачнымъ восторгомъ въ глазахъ. — Вотъ вамъ вся моя исповѣдь, вся правда, а все прочее ложь [6, 825].

В действительности, письменная исповедь Ставрогина не искренна, ее можно назвать «упражнением в болезненном нарциссизме», как у человека из подполья²¹. В этой исповеди, по признанию самого героя, он искажает фактическую истину, в первую очередь желая поразить читателя:

— Я можетъ-быть вамъ очень налгалъ на себя, настойчиво повторилъ еще разъ Ставрогинъ. — Впрочемъ, что же что я ихъ вызываю грубостью моей исповѣди, если вы ужъ замѣтили вызовъ? Я заставлю ихъ еще болѣе ненавидѣть меня, вотъ и только [6, 735–736]²².

Истина Христа и его человечность не оставляют равнодушным даже Кирилова. Последний заявляет себя атеистом, но в беседе с Петром Степановичем, при изложении своей *большой идеи*, открыто признает верховенство на земле Христа:

— <...> Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ что сказалъ другому: «будешь сегодня со мною въ раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія [6, 579].

В *большой идее* Кирилова узнаем слова Иисуса, обращенные к благоразумному разбойнику на кресте: «...будешь сегодня со мною въ раю» [6, 579]²³, которые являются фрагментом из Евангелия от Луки: «И сказалъ ему Иисусъ: истинно говорю тебѣ, нынѣ же будешь со Мною въ раю» (Лк. 23:43).

В разговоре с Верховенским, которому трудно поверить в неверие Кирилова, последний добавляет комментарий, который звучит как нечто большее, чем просто признание Христа человеком «высшимъ на всей землѣ» и «чудом» посреди человеческой «лжи»:

— <...>А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то стало-быть вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало быть самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай если ты человѣкъ? (579)²⁴.

Но тем не менее, признавая в Иисусе образец совершенной личности, Кирилов утверждает, что не верит в Его Богочеловечество и остается тверд в своем стремлении к самоубийству, в своей правде. Уже в черновых набросках к главе IX второй части романа «Бесы» Достоевский так характеризует героя:

въ Кириловѣ народная идея — сейчасъ же жертвовать собою для правды.

Даже несчастный, слѣпой самоубійц<a> 4 Апрель<я> въ то время вѣриль въ свою правду (онъ говор<ятъ> потом раскаялся — слава Богу!) и не прятался какъ Орсини, а сталъ лицомъ къ лицу.

Жертвовать собою и всѣмъ для правды — вотъ національная черта поколѣнія. Благослови его Богъ и пошли ему пониманіе правды. Ибо весь вопросъ въ томъ и состоитъ<,> что считать за правду. Для того и написанъ романъ²⁵.

В романе «Бесы» слово «истина», приобретая религиозный и конфессиональный оттенок, довольно часто используется в контексте с другими основными понятиями: «вера» и «народ». Эти понятия представляют собой главные ценности, которые, с одной стороны, входят в концепт почвы, лежащий в основе теории почвенничества и, с другой стороны, связаны с идеей мессианства России. Все это выражено в страстной речи Шатова:

— <...> Если великій народъ не вѣруетъ что въ немъ одномъ истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруетъ что онъ одинъ способенъ и призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истиной, то онъ тотчасъ же перестаетъ быть великимъ народомъ и тотчасъ же обращается въ этнографическій матеріалъ, а не въ великій народъ. Истинный великій народъ никогда не можетъ примириться со второстепенною ролью въ человѣчествѣ, или даже съ первостепенною, а непременно и исключительно съ первою. Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а стало-быть только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ «богоносець» — это Русскій народъ... (242).

Эта речь иллюстрирует основы почвенничества, которое становится одним из краеугольных камней в мифологеме Святой Руси Достоевского²⁶. Мессианство России, по мнению писателя, — это далеко не абстрактное понятие; напротив, это конкретная реальность, связанная с русской землей и хранителем православной веры — русским народом и возвещенная ранее славянофилами. Однако от них Достоевский дистанцируется. Несмотря на то, что Ставрогин скептически слушал жаркую речь Шатова²⁷, в своем прощальном письме к Даше он признавал основательность его слов, вновь повторяя самое важное:

— <...> Вашъ братъ говорилъ мнѣ что тотъ кто теряетъ связи съ своею землею, тотъ теряетъ и боговъ своихъ, то-есть всѣ свои цели (632).

Ставрогин, демонстрируя в романе «бесовское» поведение, как человек, потерявший христианско-православную веру, не только не может принять Истину Христову, но и не в состоянии признавать и уважать христианскую мораль. Подтверждением этому может служить описание героя в подготовительных материалах к «Бесам»:

Обновление и воскресение для него заперто единственно потому, что он оторван от почвы, следственно, не верует и не признает народной нравственности. Подвиги веры, например, для него ложь [9, 239]²⁸.

Изучение понятия *ложь* в романе «Бесы» предполагает, таким образом, и рассмотрение понятия *правда*, которое, в свою очередь, может пониматься и как *относительная, земная правда* и как *объективная истина*. Последняя для Достоевского совпадает с высшей евангельской Истиной. В частности, Евангелие от Иоанна (8:44; 14:6–7) стало одним из источников творческого вдохновения писателя. Цитата из Евангелия от Луки (8:32–36), являющаяся эпитафией романа «Бесы», вместе со словами из Евангелия от Иоанна (8:44) связывает роман Достоевского с Житием св. Антония — одним из вероятных источников изображения сил зла для автора «Бесов». Провозглашение в романе веры в Богочеловечество Христа и утверждение ценностей христианской этики составляют неразделимое единство, представленное автором как уникальное и эффективное противоядие от зла, происходящего в первую очередь из-за «безверия»²⁹. Таким образом, вера во Христа, признание истины, воплощенной в Его лице, — это основной религиозно-философский постулат, на котором зиждется полифонический роман «Бесы». Это отражается в его композиционной структуре и в диалогах, где «разные голоса поют различно на одну тему» (см.: [5, 342]).

Примечания

- ¹ Булгаков С. Н. Русская трагедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/tragediya.html>. Эта статья была впервые опубликована в журнале «Русская Мысль» (см.: [4]).
- ² Курсив сохранен как в первом полном переводе Нового Завета на русский язык, осуществленном Российским библейским Обществом (Господа нашего Иисуса Христа Новый Заветъ. Первое издание. СПб.: Въ Типографіи Россійскаго Библейскаго Общества, 1823). Это издание было подарено Достоевскому в Тобольске в 1850 г., и с ним он некогда не расставался. Стоит отметить, что стих, который предшествует стиху 44 из главы 8-й, в Евангелии Достоевского подчеркнут, а на полях поставлен восклицательный знак и вертикальная линия. Вот этот стих: «Почему вы не понимаете языка Моего? Потому что не можете слышать слова Моего» (Ин. 8:43). Ср.: [11, 261]. Здесь и далее все евангельские цитаты приводятся по первому факсимильному изданию Нового Завета 1823 г. [11].
- ³ Опыт Достоевского показывает важность Библии в изучении истории западноевропейских литературы и искусства (см.: [21]).
- ⁴ Имеется в виду первый русский перевод Жития Антония, составленного Афанасием Александрийским. См.: Житіе преподобнаго отца нашего Антонія, описанное святымъ Аѳанасіемъ въ посланіи къ инокамъ, пребывающимъ въ чужихъ странахъ // Творенія иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія, архієпископа Александрійскаго: [в 4 т.]. Т. 4 (21). М.: Тип. В. Готьє, 1853. С. 202–284.
- ⁵ Житіе преподобнаго отца нашего Антонія... С. 233.
- ⁶ Житіе преподобнаго отца нашего Антонія... С. 231. Курсив в цитате соответствует русскому переводу. Этот же отрывок Евангелия косвенно цитируется в конце Жития Антония (там же, с. 275).
- ⁷ Житіе преподобнаго отца нашего Антонія... С. 227.
- ⁸ Житіе преподобнаго отца нашего Антонія... С. 242.
- ⁹ В главе «У Тихона», изданной по списку Анны Григорьевны Достоевской, термин «ложь» встречается один раз как именная часть составного именного сказуемого [6, 825]. В главе «У Тихона», представленной в декабре 1871 г. в журнал «Русский Вестник», где она была девятой, завершающей вторую часть романа, а также в тексте, напечатанном по авторской правке в гранках «Русского Вестника» с описанием вариантов, зачеркиваний и вставок, слово «ложь» отсутствует.
- ¹⁰ Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012. С. 511.
- ¹¹ Достоевскій Ѳ. М. Бѣсы. Романъ въ трехъ частяхъ // Достоевскій Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. Т. IX. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. С. 207. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

- ¹² В главе «У Тихона», представленной в декабре 1871 г. в журнал «Русский Вестник», а также в тексте, напечатанном по авторской правке в гранках «Русского Вестника» с описанием вариантов, зачеркиваний и вставок, существительное «правда» встречается три раза [6; 715, 716, 736, 747, 748, 783]. А в главе «У Тихона», изданной по списку А. Г. Достоевской, слово «правда» встречается пять раз [6; 797, 798, 801, 822, 825].
- ¹³ «Ш. — тип коренника» [8, 110].
- ¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28₁. Л.: Наука, 1985. С. 176. В романе «Бесы» смысл этих слов несколько изменяется. Главный вопрос, возникающий по этому поводу: почему писатель вложил свое исповедание веры в уста Шатова, который, в свою очередь, услышал их от «демона» Ставрогина? Сам того не желая, Ставрогин поспособствовал передаче цельной христианской веры еще не вполне готовому воспринять ее во всей полноте Шатову. Возможно, так автор романа хотел утвердить, что истина Христа сама по себе — мощная сила.
- ¹⁵ Кроме главы «У Тихона», в романе «Бесы» слово «истина» встречается семь раз в именительном падеже в функции подлежащего и десять раз оно выступает прямым или косвенным дополнением. В главе «У Тихона», изданной по списку А. Г. Достоевской, слово «истина» встречается один раз в дательном падеже с предлогом «по» в функции наречия [6, 825]. В остальных списках выражение «по истинѣ» в том же самом значении встречается один раз [6; 738, 787].
- ¹⁶ См., напр., определение В. Даля: «Истина (ж.) противоположность лжи; все, что вѣрно, подлинно, точно, справедливо, что есть; *нынѣ* слову этому отвѣчает и *правда*, хотя вѣрнѣе будетъ понимать подъ словомъ правда: *правдивость, справедливость, правосудіе, правота. Истина отъ земли, достояніе разума челоуѣка, а правда съ небесъ, даръ благодѣтели. Истина относится къ уму и разуму*» (Толковый словарь живаго великорускаго языка Владиміра Даля. 2-е изд. Т. 2 (И-О). С.-Петербургъ: Изд. М. О. Вольфа, 1881. С. 59).
- ¹⁷ И. А. Кириллова уже подчеркивала важность этого евангельского отрывка для понимания символа веры Достоевского [16, 30]. В набросках к «Бесам» есть следующий значительный диалог между Князем и Шатовым: «Но ведь мы с Вами, Шатов, знаем, что все это вздор, что Христос-человек не есть Спаситель и источник жизни, а одна наука не восполнит всего человеческого идеала, и что спокойствие для человека источник жизни, и спасение от отчаяния всех людей, и условие, *sine qua non*, и залог для бытия всего мира, и заключается в трех словах: *слово плоть бысть, и вера в эти слова* — и в этом сейчас сговорились. Рано ли, поздно ли все согласятся с этим, а стало быть, весь вопрос опять-таки в том: можно ли веровать во все то, во что православие велит веровать? Если же нет, то гораздо лучше, гуманнее все сжечь и примкнуть к Нечаеву» [9, 179].

- ¹⁸ По Бахтину, художественное представление идеи зависит от следующих условий: «...образ идеи неотделим от образа человека — носителя этой идеи. Не идея сама по себе является “героиней произведений Достоевского”, как это утверждал Б. М. Энгельгардт, а человек идеи. Необходимо еще раз подчеркнуть, что герой Достоевского — человек идеи» [3, 142].
- ¹⁹ В черновиках к «Бесам» читаем: «Христос — начало всякого нравственного основания» [9, 185].
- ²⁰ О связи между этикой, религиозностью и эстетикой см.: [2, 13–15]. Последний элемент, т. е. эстетика, снова привлекает внимание читателя к исповеди Ставрогина и сам по себе заслуживает изучения, что не входит в задачи данного исследования. Так, в подготовительных материалах к «Бесам» находим: «Нравственная идея в Христе» [9, 177]; «Нравственность и вера одно, нравственность вытекает из веры» [9, 188].
- ²¹ Г. Импости использовала это выражение («*esercizio di morboso narcisismo*»), анализируя повесть «Записки из подполья». См.: [20, 232].
- ²² Дж. Гини отмечал противояственность покаяния Ставрогина, говоря о «театральном представлении покаяния» [19, 217].
- ²³ Слова, произнесенные героем, отсылают читателя к диалогу между благоразумным разбойником и злодеем, который на кресте оскорблял Иисуса: «Одинъ же изъ повѣшенныхъ злодѣевъ, злословя Его, сказалъ: естльи Ты Христоръ; спаси Себя и насъ. Другой напротивъ того уни-малъ его, и говорилъ: или ты не боишься Бога, когда и самъ осужденъ на тоже? Мы осуждены праведно; ибо достойное по дѣламъ нашимъ приняли; а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ» (Лк. 23:39–41) [11, 229].
- ²⁴ Необходимо отметить тот факт, что в передаче речи Кирилова Достоевский использует прописную букву в написании местоимений третьего лица единственного числа мужского рода. Небезызвестно, что писатель обычно употребляет это графическое средство, чтобы подчеркнуть неуверенность /уверенность некоторых из своих героев в существовании Христа, отделить твердую веру и неверие. Ср.: [13, 310]; [12, 671].
- ²⁵ Достоевский Ф. М. Заметки, относящиеся к концу романа «Бесы» // РГАЛИ. Ф. 212.1.9. Л. 20. Ср.: [9, 303].
- ²⁶ О происхождении мифологемы Святой Руси см.: [18, 35–70].
- ²⁷ Отличительная черта Шатова, объединяющая его с другими современниками, отражена автором произведения в характеристике героя, встречающейся в письме к Н. А. Любимову (кон. марта — нач. апр. 1872 г.): «Клянусь Вам, я не мог не оставить сущности дела, это целый социальный тип (в моем убеждении), *наш* тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного *из тоски*, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия, чтоб обновиться и вновь начать верить. Рядом с нигилистами это явление серьезное. Клянусь, что оно существует в действительности. Это человек, не верующий вере

наших верующих и требующий веры полной, совершенной, иначе... Но все объяснится еще более в 3-й части» [10, 232].

- ²⁸ Также в черновых набросках к «Бесам» содержится признание Ставрогина о причинах его поступков: «Все это я сделал как барин, как праздный, оторванный от почвы человек» [9, 195].
- ²⁹ Важность первого элемента этой пары особо выделена М. Бахтиным: «Для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы ничьими — были бы “в себе”. И “истину в себе” он представляет в духе христианской идеологии, как воплощенную в Христе, то есть представляет ее как личность, вступающую во взаимоотношения с другими личностями» [3, 54–55].

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 1991. — С. 21–30.
2. Арутюнова Н. Д. Истина, добро и красота: взаимодействие концептов // Логический анализ языка. Язык эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Наука, 2004. — С. 5–29.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Худож. лит., 1972. — 470 с.
4. Булгаков С. Н. Русская трагедия. О «Бесах» Ф. М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском художественном театре // Русская Мысль. — 1914. — Кн. 4. — Апрель. — С. 1–26.
5. Гроссман Л. П. Достоевский — художник // Творчество Ф. М. Достоевского. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 330–416.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2010. — Т. IX: Приложение. Бесы: роман. Опыт реконструкции журнальной редакции. Текстологическое исследование, комментарии. — 912 с.
7. Достоевский Ф. М. Бѣсы. Романъ въ трехъ частяхъ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Т. IX. — С. 5–634.
8. Достоевский Ф. М. Записные тетради Ф. М. Достоевского, публикуемые Центральным Архивным Управлением СССР (тетради №№ 1 и 4) и Публичной Библиотекой СССР им. Ленина (тетради №№ 2 и 3) / подгот. к печати Е. Н. Коншиной, коммент. Н. И. Игнатовой и Е. Н. Коншиной. — М.–Л.: ACADEMIA, 1935. — 473 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1974. — Т. 11. — 420 с.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1986. — Т. 29. — Кн. 1. — 576 с.
11. Евангелие Достоевского: [в 2 т.] / подгот. текста, коммент. В. Н. Захарова, В. Ф. Молчанова, Б. Н. Тихомирова. — М.: Русский Миръ, 2010. — Т. 1: Личный экземпляр Нового Завета 1823 года издания, подаренный Ф. М. Достоевскому в Тобольске в январе 1850 года. — 656 с.

12. Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах», или почему нельзя править Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / под ред. проф. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Т. IX. — С. 661–676.
13. Захаров В. Н. Заглавная буква в «Бесах», или почему нельзя править Достоевского // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — С. 300–316.
14. Захарова О. В. Спор с Достоевским о «Бесах»: проблема непонимания романа в прижизненной критике // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. — Вып. 10. — С. 143–162 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457955610.pdf (15.07.2017).
15. Кавацца А. Житие Святого Антония как вероятный источник изображения сил зла в «Бесах» Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. — Вып. 14. — С. 196–222 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920346.pdf (15.07.2017).
16. Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского: Размышления. — М.: Центр книги Рудомино, 2011. — 158 с.
17. Энгельгардт Б. М. Идеологический роман Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. — М.–Л.: Мысль, 1924. — Сб. II. — С. 71–109.
18. Garzaniti M. Le origini medievali della “santa Russia”. La commemorazione della battaglia di Kulikovo (1380) nella “Narrazione del massacro di Mama” // Reti medievali Rivista. — 2016. — No. 17. — Pp. 35–70 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rmoa.unina.it/3538/1/490-1687-3-PB.pdf> (15.07.2017).
19. Ghini G. Anime russe. Turgenev, Tolstoj, Dostoevskij. L'uomo nell'uomo. — Milano: Ares, 2014. — 278 p.
20. Imposti G. Inattendibilità e paradosso del narratore in “Memorie dal sottosuolo” di Dostoevskij // Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis / a cura di Marina Ciccarini, Nicoletta Marcialis, Giorgio Ziffer. — Firenze: Firenze university press, 2014. — Pp. 229–239.
21. Frye N. The Great Code: The Bible and Literature. — Toronto: Academic Press Canada, 1982. — 261 p.

Antonella Cavazza

The University of Urbino Carlo Bo
(Urbino, Italy)

antonella.cavazza@uniurb.it

LIE AND TRUTH IN THE TERMS OF EVANGELICAL VERITY (F. Dostoevsky's novel "The Demons")

Abstract. The concept of lie corresponds in Dostoevsky's novel "The Demons" with the concepts of truth /Verity, indicating a hidden connection of the novel with the gospel texts, in isolation from which it is impossible to perceive the deep meaning of this work. In the novel the word "Verity" is often used in the context of the concepts "faith" and "people". These concepts reside in the conception of soil that forms the basis of the theory of *pochvennichestvo*, and are related to the Messianic idea of Russia. Based on false notions actions and words of the characters—"demons" (Stavrogin, Pyotr Verkhovensky and the other members of the revolutionary cells) overlap and interact with actions and words of Shatov, a "new man" who accepted the Verity of Christ. Dostoevsky constantly puts the questions before the reader: where is truth and what is it? what is Verity? The article comes to the conclusion that "lie" and "truth" as such in the novel "Demons" are not antagonistic, but serve to make visible the evangelical Verity in the novel.

Keywords: F. Dostoevsky, the Gospel text, truth, Verity, lie, "The Demons", *pochvennichestvo*, Jesus Christ, The Life of St. Anthony

References

1. Arutyunova N. D. Truth: Background and Connotations. In: *Logicheskii analiz yazyka. Kulturnye kontsepty* [Logical Analysis of the Language. Cultural Concepts]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 21–30. (In Russ.)
2. Arutyunova N. D. Truth, Goodness and Beauty: The Interaction of Concepts. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk estetiki: kontseptual'nye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical Analysis of Language. The Language of Aesthetics: The Conceptual Margins of the Beautiful and the Ugly]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 5–29. (In Russ.)
3. Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 470 p. (In Russ.)
4. Bulgakov S. N. Russian Tragedy. About "The Demons" of F. M. Dostoevsky in the Event of the Staging of the Novel at the Moscow Art Theater. In: *Russkaya mysl'*, 1914, book 4, April, pp. 1–26. (In Russ.)
5. Grossman L. P. Dostoevsky as an Artist. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo* [Works of F. M. Dostoevsky]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959, pp. 330–416. (In Russ.)

6. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy* [*The Complete Works*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2010, vol. 9: Application. Demons: A Novel. Experience of the Reconstruction of the Journal Edition. Textual Research, Commentaries. 912 p. (In Russ.)
7. Dostoevskiy F. M. Demons. Novel in Three Parts. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*The Complete Works: Canonical Texts by Fedor Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 9, pp. 5–634. (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Zapisnye tetradi F. M. Dostoevskogo, publikuemye Tsentral'nym Arkhivnym Upravleniem SSSR (tetradi №№ 1 i 4) i Publichnoy Bibliotekoy SSSR im. Lenina (tetradi №№ 2 i 3)* [*F. M. Dostoevsky's Notebooks Published by the Central Direction of Archives of the USSR (Notebooks № 1 and № 4) and by the Lenin State Library of the USSR (Notebooks № 2 and № 3)*]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1935. 473 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 11. 420 p. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [*The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1986, vol. 29, book 1. 576 p. (In Russ.)
11. *Evangelie Dostoevskogo: v 2 tomakh* [*The Gospel by Dostoevsky: in 2 Vols*]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2010, vol. 1: A Personal Copy of the New Testament Published in 1823, Presented to F. M. Dostoevsky in Tobolsk in January 1850. 656 p. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. The Capital Letter in “The Demons”, or Why It Is Impossible to Edit Dostoevsky’s Works. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [*The Complete Works: Canonical Texts by Fedor Dostoevsky*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, vol. 9, pp. 661–676. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. The Capital Letter in “The Demons”, or Why It Is Impossible to Edit Dostoevsky’s Works. In: *Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva* [*The Author’s Name is Dostoevsky. An Essay on the Creative Work*]. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 300–316. (In Russ.)
14. Zakharova O. V. Polemic With Dostoevsky on “Demons”: The Problem of Misunderstanding of the Novel in the Lifetime Criticism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 143–162. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457955610.pdf (accessed 15 July 2017) (In Russ.)
15. Cavazza A. Life of St. Anthony as a Possible Source for the Depiction of the Forces of Evil in “Demons” by Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 14, pp. 196–222. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482920346.pdf (accessed 15 July 2017) (In Russ.)

16. Kirillova I. A. *Obraz Khrista v tvorchestve Dostoevskogo: Razmyshleniya* [The Image of Christ in Dostoevsky's Works: Reflections]. Moscow, Tsentr knigi Rudomino Publ., 2011. 158 p. (In Russ.)
17. Engel'gardt B. M. An Ideological Novel of Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy. Stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky. Articles and Materials]. Moscow, Leningrad, Mysl' Publ., 1924, collection 2, pp. 71–109. (In Russ.)
18. Garzaniti M. Le origini medievali della “santa Russia”. La commemorazione della battaglia di Kulikovo (1380) nella “Narrazione del massacro di Mamaj” [Medieval Origins of “Saint Russia”. In Commemoration of the Battle of Kulikovo (1380) in the Narration About the Mamay Slaughter]. In: *Reti medievali Rivista* [Medieval Nets Journal], 2016, no. 17, pp. 35–70. Available at: <http://www.rmoa.unina.it/3538/1/490-1687-3-PB.pdf> (accessed 15 July 2017). (In Ital.)
19. Ghini G. *Anime russe. Turgenev, Tolstoj, Dostoevskij. L'uomo nell'uomo* [Russian Soul. Turgenev, Tolstoy, Dostoevsky. About the Man in the Man]. Milano, Ares Publ., 2014. 278 p. (In Ital.)
20. Imposti G. Inattendibilità e paradosso del narratore in “Memorie dal sottosuolo” di Dostoevskij [Inreliability and Antinomy of the Narrator in the “Notes from Underground”]. In: *Kesarevo Kesarju. Scritti in onore di Cesare G. De Michelis* [Render unto Caesar the Things that Are Caesar's. Collection of Articles in Honor of Caesar. G. De Michelis]. Firenze, Firenze University Press Publ., 2014, pp. 229–239. (In Ital.)
21. Frye N. *The Great Code: The Bible and Literature*. Toronto, Academic Press Canada, 1982. 261 p. (In Eng.)